

Ориентиры. Ценности, проблемы выбора, стратегии и тактики развития (история и современность)

К.Е. Балдин

Балдин Кирилл Евгеньевич (Иваново, Россия) — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета; Email: kebaldin@mail.ru

ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОГО ЗЕМСТВА В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ: КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В статье рассматриваются приоритетные для российского земства направления его деятельности за пятьдесят лет его существования. Это, прежде всего, здравоохранение, народное образование, развитие крестьянского хозяйства и местных коммуникаций (путей сообщения, телефонной связи). Автор обращает особое внимание на появление в рассматриваемый период новых ориентиров в деятельности местных органов самоуправления.

Ключевые слова: земство, органы местного самоуправления, здравоохранение, народное образование, всеобщее начальное обучение, крестьянское хозяйство, животноводство, агрономия, коммуникации, телефонная связь.

К.Е. Baldin

Kirill Yevgenyevich Baldin (Ivanovo, Russia) — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of history of Russia, Ivanovo State University; Email: kebaldin@mail.ru

GUIDELINES OF THE RUSSIAN ZEMSTVO IN THE ERA OF MODERNIZATION: THE LATE 19th–THE EARLY 20th CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF VLADIMIR AND KOSTROMA GUBERNIAS)

This article discusses the priority directions of the Russian zemstvo's activities during the fifty years of its existence. Among them are, first and foremost, health, education, development of peasant farming and local communications (roads and telephony). The author pays special attention to the appearance of new guidelines in local authorities' work in the period under consideration

Keywords: local authorities, health, public education, universal primary education, farming, animal husbandry, agriculture, communication, telephone.

Самой острой и насущной проблемой пореформенной России являлся крестьянский вопрос. Если сформулировать его максимально коротко, то он заключался в двух тесно связанных друг с другом вопросах: в чем заключаются причины тяжелого положения крестьянских масс и как можно его улучшить. После трагических событий 1881 г., когда был убит Александр II, а затем власти разгромили террористическую организацию «Народная воля», многие представители интеллигенции осознали, что помогать сельскому населению лучше не с помощью бомб и револьверов, а посредством целенаправленной мирной деятельности через развитие здравоохранения, народного образования, крестьянской агрономии и животноводства. Идеи бунтарские, пропагандистские, заговорщические остались уделом очень немногочисленных участников подпольных организаций. В идейных исканиях 1880-х гг. на первый план выступила толстовская доктрина непротivления злу насилием и идеология либеральных народников с ее приоритетом «малых дел» над политической борьбой. Для приверженцев этих идейных течений главной целью являлось разрешение крестьян-

ского вопроса. Их адепты предлагали, как и революционеры в 1874 г., идти в народ, но тактику они предлагали совершенно иную. «Хождение в народ» мыслилось ими как мирное и конструктивное — не для чтения революционных брошюр и не для призывов к бунту, а с целью строить школы и учить в них крестьянских детей, открывать больницы, помогать крестьянам повышать эффективность их хозяйства, улучшать дороги в сельской местности и т.п. Разночинцы считали, что со временем эти малые дела, которых по всей стране будет накапливаться все больше и больше, сольются воедино и в результате количество перейдет в качество — крестьяне станут жить лучше, они будут грамотными, здоровыми и зажиточными. Очень многие толстовцы, либеральные народники и просто те интеллигенты, которые искренне желали помочь народу, работали в земствах в качестве учителей, врачей, фельдшеров, агрономов, статистиков. Они не только имели возможность помочь крестьянам, но и реально делали это.

Самым первым поприщем, которое открылось перед вновь созданными земскими органами, стала охрана народного здоровья, в ведение земств перешли некоторые лечебные учреждения, которыми до этого заведовали местные приказы общественного призрения. До появления в провинции органов местного самоуправления медицинское обслуживание населения оставляло желать много лучшего. Обеспеченные слои населения пользовались услугами частных медиков, а многочисленное крестьянское население было практически лишено даже элементарной медицинской помощи. Насчитывавшиеся единицами медицинские заведения располагались преимущественно в городах, на селе больниц и приемных покоев не было.

Одна из важных заслуг земства перед отечественным здравоохранением заключается в том, что оно впервые ввело столь привычную для наших современников участковую систему организации медицинского обслуживания. Первые годы своего существования органы местного самоуправления практиковали так называемую разъездную систему оказания медицинской помощи, когда врачи разъезжали по уезду и оказывали помощь заболевшим крестьянам. Эта система оказалась неэффективной: врача очень сложно было застать на одном месте, т.к. он находился в перманентных командировках. Именно поэтому была изменена тактика оказания медицинской помощи путем введения участковой системы, когда большую часть рабочего времени врач вел прием в своей амбулатории, а на места выезжал только «на эпидемии». Число врачебных участков в земских губерниях со временем не очень быстро, но неуклонно возрастало, а вместе с этим возрастала доступность медицинской помощи для крестьян.

В Шуйском уезде центры участков были определены земством в такой последовательности: сначала Шуя и Иваново-Вознесенск, затем начал работу участок в крупном фабричном селе Тейково (западная часть уезда), а потом в Дунилове, последний охватывал северо-восточную его часть [23, с. 35]. На территории Костромской губернии в 1904 г. насчитывалось 55 участков, в 1906 г. их было уже 59. По уездам они были распределены неравномерно. Первое место занимал Кинешемский уезд (10 участков). Земства Кологривского и Ветлужского уездов организовали к этому времени по 7 участков, в Юрьевецком и Нерехтском их было, соответственно, 6 и 5 [6, с. 18]. Кинешемский уезд продолжал удерживать передовые позиции в области земской медицины и в дальнейшем. В 1911 г. здесь имелось 11 больниц, общее количество коек в них в начале XX в. постоянно росло: в 1903 г. — 157, в 1905 г. — 165. Особенно значительно расширились возможности местных стационаров в 1908 г., когда количество мест в них единовременно возросло сразу до 233 [30, с. 236].

При определении места расположения участкового приемного покоя или больницы учитывалось мнение местного населения. Так, в 1905 г. Макарьевское земство решило перевести медицинский пункт из села Ильинского-Заборского в село Покровское. Крестьяне первого из них направили в земскую управу письмо, в котором возражали против этого перемещения. Этот вопрос рассматривался на заседании управы, причем Колесов — гласный, происходивший из этих мест, аргументированно поддержал ходатайство местных жителей. В результате медпункт был оставлен в Ильинском-Заборском, а для крестьян Покровского, которые также нуждались в медицинской помощи, была открыта небольшая амбулатория [36, с. 9]. Важным приоритетом земства стало оказание крестьянам именно высококвалифицированной врачебной, а не фельдшерской помощи. Сами крестьяне со

временем стали понимать разницу в квалификации медиков и старались попасть на прием именно к врачу. Фельдшеры на участках выполняли хотя и важные, но вспомогательные обязанности.

Большинство пациентов в земских медицинских учреждениях составляли, разумеется, крестьяне. В 1890 г. в Покровской уездной земской больнице находились на излечении 597 чел., из них крестьян — 450, арестантов — 43, мещан — 39, духовных лиц — 5, купцов — 2, дворян и чиновников — 2 [21, с. 7]. Представителей привилегированных сословий здесь было очень немного. Они пользовались услугами частных врачей, при этом лечились на дому, а не в земской больнице, где их соседями по палате оказались бы крестьяне, от которых их отделял высокий сословный барьер.

Земские лечебные учреждения предназначались не только для крестьян. Особенность их в промышленных уездах — Кинешемском, Покровском, Шуйском — состояла в том, что их услугами широко пользовались рабочие местных текстильных фабрик. Так, обширные пролетарские окраины Иваново-Вознесенска — Ямы, Голодаиха, Завертяиха, Ушаково и др. — не входили в городскую черту, и поэтому из 100 тысяч чел. населения этого крупного индустриального центра около 1/3 находились в ведении не городской управы, а Шуйского уездного земства. В связи с этим был организован особый участок для окраин Иваново-Вознесенска, здесь была построена земская больница [25, с. 81].

Вновь открытые лечебные учреждения быстро наполнялись, а потом и переполнялись пациентами. Интенсивность труда земских врачей при амбулаторном приеме оказывалась не просто высокой, а запредельной. В 1895 г. в Ковровской земской амбулатории врач принимал в среднем по 42 чел. в день, в то же время, в Павловской сельской лечебнице того же уезда — только по 4. В дальнейшем, когда сельские амбулатории завоевали популярность у сельского населения, пациентов стало больше. В 1903 г. в Лежневе в амбулаторию приходили ежедневно 29 чел., в Вознесенье — 19, Санникове — 14 [17, с. 54; 19, с. 138].

Несмотря на постоянное расширение сети не только земских амбулаторий, но и стационаров, такого рода учреждений все равно не хватало, и земские больницы были почти постоянно переполнены. В 1890-х гг. во Владимирской губернской лечебнице насчитывалось 390 коек, а по данным за 1895 г. в ней находилось одновременно в среднем 427 чел. больных, в некоторые дни их бывало около 500. В небольшой по размерам земской больнице в Иваново-Вознесенске при 16 койках больных насчитывалось по 20–22 чел. Заведующий этой больницей информировал Шуйскую земскую управу о том, что в 1906 г. 150 чел. пришлось отказать в приеме, несмотря на то, что многие из них реально нуждались в стационарном лечении [26, с. 85, 107].

Наряду с лечебным направлением, земская медицина со временем развернула разнообразную санитарную деятельность. Рациональнее было не лечить, а своевременно предупреждать как sporadические заболевания, так и широкомасштабные эпидемии. Поэтому земские гласные и медики еще в 1880-90-х гг. в конце концов пришли к убеждению, что надо не только бороться с уже свирепствующей холерой, или же с гриппом, корью и другими инфекционными болезнями, но и проводить масштабные профилактические мероприятия.

Первоначально, т.е. на самом рубеже XIX–XX вв., число санитарно-эпидемических врачей было очень невелико, в ведении одного специалиста такого профиля находилось сразу несколько уездов. Например, в Костромской губернии в Галичско-Буйский санитарный округ входили не только Галичский и Буйский уезды, но вдобавок еще Солигаличский и Чухломской, т.е. вся северная часть губернии. Разумеется, одному врачу контролировать санитарную на такой территории было практически невозможно. В 1906 г. в округ входило уже не более двух уездов, в таких связках, например, находились Юрьеveckий и Макарьевский, Нерехтский и Костромской. Только Кинешемский уезд составлял отдельный санитарный округ. Он являлся не самым обширным по территории, но экологических проблем в этом промышленном регионе было много. В 1909 г. в уездах Костромской губернии работали уже 7 санитарных врачей [6, с. 1–2, 4, 11; 7, с. 54].

Одной из главных обязанностей санитарных врачей являлся надзор за фабриками, заводами, трактирами, гостиницами, банями, торговыми заведениями. Особенностью Владимирской и Костромской губерний было то, что здесь промышленные предприятия часто располагались в сельской

местности, куда редко навевались фабричные инспектора. Каждый санитарный врач получал от властей особый документ, по которому он мог беспрепятственно посещать проблемные заведения. На крупных солидных предприятиях хозяева и управляющие обычно были законопослушными и соблюдали санитарные нормы. Поэтому санитарные врачи уделяли особое внимание небольшим предприятиям мануфактурного типа и ремесленным мастерским, где положение нередко было просто удручающим. Так, в Ветлужском уезде местные крестьяне неоднократно жаловались на спиртовой заводик, находившийся в уездном центре. Он спускал в реку Ветлугу совершенно не очищенные воды. В результате ряда проверок были составлены акты и наложены взыскания на руководителей предприятия, что несколько улучшило экологическую обстановку в этой местности [7, с. 4–5].

Санитарную работу земства в то время нельзя было оценить как главный приоритет в области земского здравоохранения, т.к. на лечебную деятельность отпускалось все же гораздо больше средств, чем на борьбу против инфекционных болезней. Кроме того, количество врачей общей практики было значительно больше, чем специалистов в области санитарии и гигиены. Однако появившись в качестве одного из ориентиров в конце XIX в., санитарно-эпидемиологическая безопасность становилась все более важной в первые годы прошлого столетия.

Народное образование не числилось среди приоритетов во многих земствах в начале их деятельности. Очень немногочисленные школы, существовавшие в то время на селе, поступили в ведение уездных земств, но первоначально последние вовсе не собирались расходовать на них свои пока очень ограниченные средства. Земские гласные считали, что эти начальные училища будут, как и ранее, существовать на средства крестьянских общин, а местные священники будут в них учительствовать «безмездно», т.е. бесплатно.

В 1872 г. из 29 школ Суздальского уезда только 4 значились на содержании земства, 13 работали на средства местных крестьян, и 12 училищ являлись «безмездными», т.е. работали благодаря энтузиазму учителей. Легко представить, какой слабой была материальная база таких школ. В Суздальском уезде в Ярышневе училище располагалось в тесной кухне у диакона Беляева, в Шумилове — на кухне священника Органова [4, 1873, № 7, С. 85–87, 91–92].

Народное образование стало приоритетным для большинства земств только с середины 1870-х гг. Начинается рост ассигнований на народное образование со стороны местных самоуправлений. Все большую активность стали проявлять уездные земства, которые постепенно «входили во вкус» работы по просвещению широких масс народа. В 1875 г. практически все уездные земства Владимирской губернии отпустили на эти цели значительно большие суммы, чем раньше [4, 1876, № 1, 93].

Динамику абсолютных расходов на народное образование в 1870-80-х гг., т.е. на раннем этапе деятельности земств, можно проследить на примере Суздальского уезда. В 1869 г. на эти цели было отпущено 225 р., в 1872 г. — 1 657 р., в 1874-80 гг. ассигновывалась постоянная сумма в 3 575 р., в 1881–88 гг. — 10 тыс. р., а в 1889 г. — 15 тыс. р. Таким образом, крупные подвижки в финансировании просвещения произошли здесь сначала в середине 1870-х гг., а потом в начале 1880-х гг., когда отпускаемые суммы увеличились приблизительно в три раза [22, с. 5].

В самом конце XIX в. (1900 г.) расходы на народное образование уверенно вышли в земских бюджетах на второе место, уступая только тратам на медицину. Для сравнения отметим, что в 1895 г. они значились еще на третьем месте. В Центральном промышленном районе они возросли за указанные пять лет на 15%. В целом в России первое место по темпам их увеличения занимала Екатеринбургская губерния (32% в год), третье место делили между собой Владимирская и Вятская губернии (19%). Если в 1870–80-х гг. Владимирская губерния по этому показателю не выделялась среди других регионов России, то во второй половине 1890-х гг. она вышла на передовые позиции [1, 1902, № 1, с. 75–76].

Динамику земских трат на народное образование нагляднее всего можно проследить не по абсолютным, а по относительным данным. Эти расходы с годами занимали все большее место в общем земском бюджете. Однако земская политика в этой сфере была различной в разных уездах, и здесь наблюдалась довольно пестрая картина в масштабах одной и той же губернии. В Костромской как по абсолютным, так и по относительным расходам первое место с большим отрывом занимал

Кинешемский уезд. В 1900 г. здесь на просвещение расходовалось 21,5% всего бюджета. На втором месте находился Ветлужский уезд (17,1%), на третьем — Нерехтский (14,4%). Список из двенадцати уездов губернии замыкали Макарьевский и Солигаличский, в которых земства тратили на народное образование по 10% своих бюджетов [9, с. 21].

В земской среде стихийно возникло в 1870–80-х гг. и в дальнейшем сохранялось своеобразное разделение труда между уездными и губернскими органами самоуправления. Для первых приоритетом являлось развитие начальной народной школы, а вторых — забота о средних учебных заведениях и подготовка педагогических кадров для начальной школы. Много средств у земцев уходило на строительство школ, возведение даже одного училищного здания стоило недешево. В конце XIX в. на это уходило 1,5–2,5 тыс. р. Большую часть этой суммы составляли расходы на лесные материалы — требовалось более двух сотен бревен, брусья на стропила, тес на перегородки, половые и потолочные доски. В начале XX в. в связи с ростом цен на строительные материалы и рабочие руки постройка однокомплектной школы стоила уже 3,5 тыс. р., двухкомплектной — 5,5 тыс. р. [8, ч. 1, с. 30].

Расходы по строительству новых школ решило взять на себя губернское земство. В 1882 г. во Владимирской губернии оно начало отпускать ссуды для строительства новых школ, утвердив на этот счет особые правила. Средства выделялись небольшие, в 1882–83 гг. было ассигновано по 5 тыс. р., в 1884–85 г. — по 3 тыс. р. на всю губернию. Ссуды под небольшие проценты отпускались на десять лет крестьянским общинам [4, 1881, № 12, с. 32–33; 1885, № 12, с. 5; 1, 1898, № 24, с. 2392–2393].

В самом конце XIX в. Владимирское губернское земство решило расширить помощь школьному строительству, одновременно были изменены условия предоставления ссуд. Губернское земское собрание образовало капитал в 200 тыс. р. «на удовлетворение нужд по народному образованию», а в 1899 г. установило новые правила предоставления материальной помощи. В отличие от правил 1882 г., ссуды теперь выдавались без процентов, их могли получить уездные земства, а также сельские общины. Сумма могла достигать 1500 р. (по правилам 1882 г. верхний предел ее был в три раза меньше). Строительство школьного здания на предоставленную ссуду должно было вестись по определенным нормам школьной гигиены [16, с. 74–75].

В 1890-х гг. у земств, как уездных, так и губернских, в области просвещения появился очень важный ориентир — введение всеобщего начального обучения. Во Владимирской губернии первым занялось обсуждением этой проблемы не губернское земство, а одно из уездных — Шуйское. В 1897 г. здесь на очередном земском собрании говорилось, что постоянные заботы земства в области местного хозяйства, агрономии, здравоохранения остаются малоэффективными из-за темноты и косности широких масс крестьян. Причем страдали в первую очередь сами крестьяне: крестьянский сход не мог грамотно составить приговор, крестьяне, не умеющие считать, не могли контролировать выбранных ими сельских старост, волостных старшин и писарей. Вскоре в Шуйском уезде была проведена земством перепись всех детей от 8 до 12 лет для того, чтобы выяснить — сколько в уезде детей школьного возраста [18, с. 118–119].

В первую очередь земцы задались целью определили «общие основания» для составления новой сети начальных училищ, т.е. принципы, на основе которых будут строиться и функционировать школы. Например, в Костромской губернии они были приняты в 1907 г. и получили название «Проект нормальной школьной сети». В соответствии с ним в сеть были включены министерские, земские, церковно-приходские и фабричные училища. 3 мая 1908 г. был принят закон под названием «Основные положения для введения всеобщего начального обучения в Российской империи». В соответствии с ним на эти цели отпускалось 6,9 млн. р., которые выдавались органам местного самоуправления в виде займов и безвозвратных ссуд. В законе были указаны условия предоставления этой материальной помощи [30, с. 299; 12, с. 7].

22 июня 1909 г. был принят закон о формировании общегосударственного специального «школьно-строительного» фонда для выдачи займов и пособий. Первоначально размер фонда был определен в 1 млн. р., но было подчеркнуто, что по мере возможности он будет пополняться. Средства из него на строительство школ могли получить земства, городские управы, волостные правле-

ния и сельские общины. Казна выдавала сумму, равную 4/5 стоимости постройки, остальные 20 % добавляло земство [10, с. 176].

Механизм выделения казенных средств можно рассмотреть на конкретном примере из практики Нерехтского земства. В 1915 г. оно подало просьбу о выделении денег на строительство двух однокомплектных и четырех двухкомплектных школ, в том числе Игнатовской, Яковлевской, Высоковской, Деревеньковской и др. На строительство однокомплектного училища требовалось 4100 р. Для этого были получены: безвозвратная ссуда в 1500 р. и заем в 1780 р. Остальные 820 р. должно было внести земство. На возведение двухкомплектной школы было необходимо уже 6800 р. с соответствующим разделением средств на ссуду, заем и доплату со стороны органов местного самоуправления. Ежегодно из казны в каждый уезд приходило по несколько тысяч рублей на строительство новых школ [8, ч. III, с. 226–227].

Ссуды на школьное строительство были безвозвратными, а займы земство должно было выплачивать на льготных условиях. Их погашение было растянуто на 20 лет, при соответствующей просьбе земства срок уплаты мог быть увеличен вдвое [5, с. 113].

Действенная помощь государства способствовала активизации школьного строительства. В Кинешемском земском календаре за 1916 г. указывалось, что «щедрая помощь правительства» дала возможность в 1910–15 гг. ежегодно открывать по 5–10 новых училищ [29, с. 17]. В этих условиях ориентир в виде всеобщей грамотности становился не таким уж недостижимым. Казна взяла на себя и выплату жалования учителям. При этом базовая зарплата учителя составляла 360 р. в год, т.е. 30 р. в месяц. Эти средства в целом были еще более впечатляющими, чем средства, отпускаемые государством на школьное строительство. В 1911 г. Нерехтскому уезду на эти цели было отпущено 32,4 тыс. р., Кинешемскому — 34,6 тыс., Юрьевецкому — 42 тыс. [10, с. 175]. В результате вырос уровень материального обеспечения представителей самой массовой земской профессии.

Развитием здравоохранения и народного образования органы местного самоуправления начали заниматься буквально с первых шагов своей деятельности. Значительно позже, уже в начале 1890-х гг., земские гласные осознали необходимость помощи крестьянскому хозяйству, испытывавшему в конце XIX в. острый кризис. Эта необходимость стала особенно актуальной в связи с наступившим в 1880-х гг. мировым аграрным кризисом, когда русский хлеб стал испытывать конкуренцию со стороны более дешевой заокеанской пшеницы, которая выращивалась в США, Канаде, Аргентине. Цены на зерно резко упали, что привело к разорению десятков тысяч крестьянских хозяйств. Другой важной причиной разворота земств лицом к крестьянскому хозяйству стал неурожай и голод 1891 г. Все это поставило перед земством еще один приоритет (кроме просвещения и здравоохранения). В принципе, органы местного самоуправления всегда имели его в виду, но до 1890-х гг. откладывали как не самый первоочередной. Ориентир здесь заключался в существенном повышении продуктивности крестьянского хозяйства путем всесторонней помощи ему органов общественного самоуправления.

В частности, земцы обратили внимание на проблемы местного животноводства. Большинство крестьян держали коров и лошадей. Гибель или даже болезнь этих животных становилась большим горем для крестьянской семьи: без лошади нельзя было вести основные полевые работы, без коровы небогатый рацион крестьянского стола становился гораздо менее питательным. Организуя ветеринарную помощь, земства практически полностью скопировали свою систему «человеческой» медицины. Территория отдельного уезда делилась на ветеринарные участки, центром каждого являлась амбулатория, в ней служил ветврач.

Сначала участки были очень большими по площади, поэтому врачам было трудно добраться до отдаленных местностей. В 1880-х гг. весь Шуйский уезд представлял собой один очень значительный по территории ветучасток, который со временем был поделен на два, центр одного находился в Шуге, другого — в Иваново-Вознесенске. Позже был образован еще третий ветеринарный участок, центр которого располагался в Тейкове, а затем четвертый — в селе Миловском [13, с. 141].

Объем работы у земского ветеринарного персонала был очень большим. В 1913 г. на Миловском участке были приняты 1718 лошадей, 1184 коровы и всего 446 других животных. Данные циф-

ры не означают, что лошади и коровы болели чаще, дело было в другом — их здоровье было для крестьян гораздо более приоритетным, чем заболевания собак или кошек [14, с. 336–337]. Отчеты ветеринарной службы дают представление о тех болезнях, которые были распространены среди сельскохозяйственных животных: сибирская язва, ящур, бешенство [27, с. 44, 56–57].

При знакомстве с историей земской ветеринарии создается стойкое впечатление о том, что она не являлась для органов местного самоуправления приоритетным ориентиром в их деятельности. Например, Нерехтское уездное земство в 1908 г. потратило на медицину 51 тыс. р., на развитие народного образования — 75 тыс. р., а на ветеринарию — только 1 650 р., т.е. в 30 раз меньше, чем на «человеческую» медицину [34, с. 106].

В первые годы XX в. земства стали настойчиво требовать от ветеринарных врачей исполнения санитарно-эпидемиологических функций. На рубеже XIX и XX вв. в земской медицине, как уже отмечалось выше, наряду с лечебным направлением деятельности появился и другой ориентир — достижение санитарно-эпидемиологической безопасности путем предупреждения заболеваний. Те же изменения, но несколько позже, произошли и в ветеринарии. Одновременно медикам-ветеринарам приходилось заниматься экологическими проблемами, при этом нужно учесть, что такой термин тогда не употреблялся.

В Галичском уезде эти специалисты осматривали замшевые заводы, которые в большом количестве обрабатывали коровьи, лосиные, медвежьи и др. шкуры. Они констатировали, что производство на них не представляет угрозы для здоровья окружающего населения. Однако было установлено, что помещения предприятий, служившие одновременно жильем для рабочих, отличались чрезмерной запыленностью, повышенной влажностью и недопустимой концентрацией аммиака [7, с. 39–40].

Ветеринары практически во всех уездах вели разъяснительную работу среди крестьян, растолковывая им причины заразных заболеваний, которые крестьяне по своей неграмотности считали чуть ли не неизбежными. Так, в 1890 г. в Муромском уезде сибирская язва появилась во время самых интенсивных полевых работ, когда крестьянам некогда было присматривать на лугах за скотиной. Ветеринары ознакомились с ситуацией и рекомендовали крестьянам на некоторое время приостановить выпас скота, т.к. он, судя по всему, подхватил бациллы именно на лугах. Специалисты советовали на некоторое время поставить скот на стойловое содержание, а в дальнейшем использовать сухие, а не сырые пастбища [20, с. 65–66].

В Гороховецком уезде в 1900 г. такие же чрезмерно сырые и топкие луга стали причиной массовых заболеваний овец так называемой «вертячкой». Вдобавок лето выдалось влажным, что еще больше усилило распространение эпизоотии. Ветеринары обстоятельно объясняли местным жителям причины распространения болезни, которая наносила большой урон крестьянским хозяйствам, особенно в Святской волости [16, с. 224].

Медицинской помощью сельскохозяйственным животным земство начало вплотную заниматься еще в 1880-х гг., а непосредственно развитие животноводства, а также агрономии превратились для земства в приоритет на 10–15 лет позже. Действенные меры по улучшению пород лошадей, рогатого скота и свиней земства начали предпринимать в первые годы XX в. Они закупали производителей и устраивали выставки с награждением лучших животных медалями и денежными премиями. С целью улучшения породы крупного рогатого скота в Ковровском уезде в 1906 г. приобрели трех быков швицкой породы, которые были переданы крестьянам деревень Каменево, Ямново и др. [28, с. 70]. Первая выставка крупного рогатого скота состоялась в Ковровском уезде также в 1906 г. Начиная с этого времени, ковровское земство ежегодно вносило в смету расходы на подобные мероприятия [32, с. 43–44].

Развитие крестьянского полеводства представлялось для земства более важным ориентиром, чем меры по подъему животноводства, т.к. крестьянин в принципе без мяса и молока вполне мог прожить, а без хлеба и овощей его хозяйству грозило полное разорение с последующей пролетаризацией. Для повышения урожайности земства старались распространять среди крестьян сортовые

семена, а также минеральные удобрения, совершенно незнакомые среди крестьян, привыкших к использованию навоза и золы.

В деле поддержки крестьянского хозяйства у земства было несколько поприщ, и трудно определить, какое из них важнее. Как отмечал в своей работе, посвященной Кинешемскому земству, Н.Д. Кондратьев, к началу Первой мировой войны в уезде, благодаря усилиям местного самоуправления, около 120 селений перешло к правильному систематическому травосеянию, главным образом, клевера, который давал много сена. Перед крестьянином в этих условиях вставал выбор: продавать избыток сена или дополнительно покупать скот, для которого клевер мог служить надежной кормовой базой. Объективно для развития крестьянского хозяйства, предпочтительнее был второй вариант. Но, учитывая отсутствие наличных денег у крестьянина для покупки второй коровы, приходилось ограничиваться первым вариантом. В этих условиях земство, выступавшее за развитие скотоводства, организовывало дешевый кредит для крестьян для закупки скота. По этому поводу Н.Д. Кондратьев, впечатленный мудрой, с его точки зрения, тактикой земства, эмоционально восклицает: «С какой последовательностью каждое мероприятие вытекает из других!» Остается только согласиться с ним... [30, с. 424].

С целью распространения усовершенствованных орудий для обработки почвы в российской деревне, органы местного самоуправления начали открывать сельскохозяйственные склады. Сначала во всем Нерехтском уезде действовало только одно такое заведение. В дальнейшем для того, чтобы приблизить линейку земских товаров к потенциальным покупателям, были созданы в начале XX в. отделения уездного склада в селах Середе, Арменках, Острецове, Писцове [35, с. 286, 293].

В Шуйском уезде сначала действовал один сельскохозяйственный склад, находившийся в уездном центре. Затем были открыты его отделения в Иваново-Вознесенске и Тейкове. Из земледельческих орудий крестьяне особенно охотно покупали плуги, за 1904 г. только из иваново-вознесенского отделения их было продано 1050 штук. Здесь можно было купить и лемеха для сохи, косы, серпы, точильные бруски. Кроме того, на всех сельскохозяйственных складах имелись семена овса, а также кормовых трав — клевера и вики [25, с. 156; 27, с. 66–67].

Среди забот земства о развитии местного хозяйства с первых лет его существования немалое место занимало финансирование путей сообщения местного уровня. В то время, как и сейчас, существовали различные категории дорог. О наиболее важных трактах, соединявших между собой крупные города, заботилось государство, и они финансировались из казны. Например, через Владимирскую губернию проходило шоссе из Москвы в Нижний Новгород. Земство не имело никакого отношения к этой магистрали имперского значения, но было обязано содержать дороги менее важные, пролежавшие между уездными центрами, значительными фабричными поселками и торгово-ремесленными селами. Третьестепенные пути относились к категории проселочных, и ответственность за них несли волостные органы и крестьянские общины.

Вряд ли можно причислить развитие дорожного хозяйства к ориентирам земской деятельности. Как нам представляется, объяснялось это тем, что финансирование дорожного хозяйства относилось к обязательным повинностям земства, а ориентир не может носить принудительного характера. Среди земских трактов также не все были равнозначными в хозяйственном отношении. В связи с этим, в земстве со временем возникла потребность каким-либо образом ранжировать эти дороги по степени важности. Шуйское уездное земское собрание сделало это в 1897 г., используя в качестве критерия разделения дорог на три категории степень интенсивности движения по ним. К важнейшим дорогам первой категории были отнесены следующие: Шуя — Лежнево, Шуя — Вязники, Шуя — Дунилово и др. Этот список был рассмотрен губернским земством, и по его рекомендации он был дополнен трактом Шуя — Воскресенское (село в Ковровском уезде). Всего в пределах уезда ко всем трем категориям принадлежали дороги общей протяженностью в 395 верст [24, с. 139–140].

Каждый уезд по пролежавшим в нем путям сообщения делился на дорожные участки. В Вязниковском уезде их было два. Первый располагался в южной части уезда, где сейчас находится Вязниковский район Владимирской области. Вторым участком занимал северную часть уезда, т.е. совре-

менные Южский и Палехский районы Ивановской области. На территории второго участка земство содержало следующие тракты: Мстера — Холуй, Холуй — Палех и Палех — Дорки [11, с.89].

Долгое время забота о местном дорожном фонде лежала только на уездных земствах, но в дальнейшем губернские органы самоуправления начали формировать особые капиталы, из которых выдавало дотации на строительство уездным органам самоуправления. Например, в 1912 г. в Нерехтский уезд поступило 5 тыс. р. из губернского дорожного капитала, из них 700 р. было издержано на строительство моста через реку Уводь на тракте, который вел из села Писцова в сторону города Владимира [35, с. 233].

Для сооружения и ремонта дорог использовались различные технологии. Асфальтовых дорог тогда в провинции не было, и самой примитивной технологией было устройство в особенно проблемных местах гатей из «фашинника». Это название происходило от слова «фашины» - связки прутьев, использовавшихся как при исправлении дорог, так и при фортификационных, осадных работах в военном деле. Более долговечными оказывались тракты, замощенные булыжником. Однако, как отмечало земство, в условиях топей и глинистой почвы, даже каменная настилка быстро изнашивалась при интенсивном движении большегрузных подвод. Поэтому в 1890-х г. уездные земства признали, что целесообразнее всего осуществлять так называемое шоссирование дорог, несмотря на дороговизну этой технологии. Она предполагала использование многослойного щебеночного покрытия. Шоссирование стало возможным в самом конце XIX в., когда к финансированию дорожного строительства активно подключились губернские земства, создавшие упомянутые выше дорожные капиталы [24, с. 139].

Траты на дорожное строительство, будучи обязательными расходами земств, в самом начале их деятельности занимали довольно значительное место в расходной части земских бюджетов. Например, в Кинешемском уезде в 1866 г. на эти цели было потрачено 7159 р., что составило 26% всех расходов земства, в 1878 г. — 5510 р. — 10,7%, в 1886 г. — 8464 р. — 10,3%, в 1896 г. — 6160 р. — 6,4%, в 1905 г. — 12 965 р. — 5,4% [30, с. 227]. Таким образом, нельзя сказать, что эти расходы очень существенно возросли за 40 лет, особенно если сравнить их с ростом трат на просвещение и здравоохранение. Что касается доли дорожных расходов в местных бюджетах, то она за этот период уменьшилась примерно в пять раз. Приблизительно такая же картина наблюдалась и в других уездных земствах.

Крупные расходы, которые приходилось производить на поддержание дорог в удовлетворительном состоянии были обусловлены не очень хорошим качеством работ и, судя по всему, некачественными строительными материалами. Работниками на ремонте дорожного полотна являлись преимущественно местные крестьяне, которые использовали срубленные в соседнем лесу деревья для изготовления мостов и фашин. Рубить спелый лес крестьяне не хотели, они старались сохранить его для строительства своего жилья. Поэтому в дело шел молодой и непрочный лес, преимущественно сосновый и осиновый, в результате дорожные сооружения быстро изнашивались, и их приходилось чинить порой по 2–3 раза за один сезон [33, с. 59].

В конце XIX в. в повседневную жизнь людей вошло совершенно новое средство коммуникации — телефон. Первый аппарат был сконструирован еще в 1860-х гг., но в 1878 г. Томас Эдисон усовершенствовал его таким образом, что связь с невидимым собеседником, находившимся за десятки верст, стала удобной и уверенной. Первые телефонные станции в России были построены в Петербурге и Москве в 1881 г. [3, с. 153]. В Иваново-Вознесенске первые телефоны появились в 1890-х гг., а в начале XX в. была установлена связь с Москвой, Владимиром, Шуей и другими городами. Телефон представлял собой удобство, доступное лишь для состоятельных людей, поэтому на рубеже прошлого и позапрошлого столетий многие сельские жители никогда не говорили по телефону и даже не слышали о нем.

В сознании наших современников существует стереотип, заключающийся в том, что телефон в дореволюционной России являлся принадлежностью исключительно городской жизни. На самом деле это не так. В некоторых уездах на это новшество обратили внимание вскоре после того как телефон уже более или менее прочно вошел в урбанистическую повседневность. В этих условиях не-

сомненной заслугой органов общественного самоуправления является устройство первых телефонных линий в провинциальной глубинке, земские проводные линии охватывали не только города, но и многие сельские поселения в центральной России.

Впервые вопрос об устройстве телефонной связи был поставлен на собрании гласных Вязниковского земства в 1902 г. [15, с. 76, 78]. Однако понадобилось более десяти лет для того, чтобы планы земцев осуществились. Земская телефонная сеть в Вязниковском уезде начала функционировать только в 1913 г. На ее устройство были потрачены значительные средства — 11,6 тыс. р. Аппараты для переговоров были закуплены у немецкой фирмы «Сименс и Гальске» на 4243 р. Телефонные станции были устроены в уездном центре, а также в Никологорах, Мстере, Холуе и Палехе. Телефоны были поставлены в крае на крупных промышленных предприятиях, а на дому только важным должностным лицам. Например, в Холуе аппарат стоял только у Н.П. Костерина, т.к. он являлся членом Вязниковской уездной земской управы, а в селе Преображенском связь провели лишь проживавшему здесь становому приставу [31, с. 158].

В Кинешемском уезде к формированию телефонной сети приступили значительно раньше — в 1903 г. К началу 1909 г. стоимость всего ее оборудования, находившегося в эксплуатации, составляла 45 755 р., а на начало 1912 г. — 65 656 р. За десять лет (1903–1912 гг.) было получено абонентской платы 64 873 р., почти все эти средства пошли на дальнейшее развитие сети. К 1912 г. протяженность телефонных линий в Кинешемском уезде составляла 480 верст [30, с. 390].

Как справедливо отмечал Н.Д. Кондратьев, земство было озабочено, прежде всего, не столько получением доходов от телефонной сети, сколько «ее культурной пользой населению и тем, чтобы телефоном могло пользоваться население в его массах». Еще в начале XX в. в Кинешемском уездном земстве возник проект повсеместной телефонизации данной территории, чтобы новое средство связи имелось в каждой (!) деревне. Поэтому земцы включили в правила пользования телефонной сетью особый пункт, допускавший существование коллективных абонентов — жителей целого селения, стоимость его составляла всего 10 р. в год. При этом земство признавало, что единовременный расход крестьянской общины на прокладку линии и установление аппарата был довольно обременительным для крестьян, составляя около 300 р. Для облегчения этих расходов земская управа предложила выдавать крестьянам ссуду на 10 лет на самых выгодных условиях ее погашения [30, с. 390]. К сожалению, проект повсеместной телефонизации в рамках отдельно взятого уезда так и остался нереализованным.

То, что уездные земства обратили внимание на телефонную связь, вовсе не означало смену ориентиров в области местных коммуникаций. Органы общественного самоуправления не могли отказаться от содержания дорог, тем более что эта деятельность была обязательной для них по земскому «Положению» 1864 года. Земства и после того, как они заинтересовались телефоном, продолжали тратить значительно больше средств, чем на это новшество, все же на ремонт и строительство дорог. Решения гласных о строительстве телефонных сетей и об ассигновании денег на это отражали изменения не стратегических, а только тактических ориентиров в этой сфере.

Попутно отметим, что отношение к такому нововведению как телефон являлось своего рода маркером отзывчивости провинциальных общественных деятелей на технические новшества. Например, в Вязниковском и Кинешемском уездных земствах это средство связи вызывало немалый энтузиазм у земцев. В то же время в Шуйском уезде земцы не проявили заметного интереса к распространению чуда техники в сельской местности, хотя в городах уезда — Иваново-Вознесенске и Шуе — телефон получил широкое распространение на рубеже XIX–XX в.

В целом, в работе земства с первых шагов его деятельности появляются один за другим важные ориентиры. В первую очередь, это был охват максимально большего числа сельских жителей квалифицированной медицинской помощью. Вскоре к этому присоединяется второй важнейший ориентир — развитие народного образования. Для того чтобы усадить за парты как можно больше крестьянских детей, органы местного самоуправления начинают строить школы.

На рубеже XIX и XX вв. земские органы стали «богаче» за счет налогов, поступавших с динамично развивавшейся промышленности и торговли. Расширившиеся возможности позволили

поставить в деятельности земств новые ориентиры. Среди них особое место занимало внедрение всеобщего начального обучения, достижение этой цели к началу 1920-х гг. было вполне реальным, но помешала начавшаяся мировая война, а затем революция. Другим новым ориентиром стала эпидемиологическая и экологическая безопасность населения, средством достижения которой стали разнообразные мероприятия земства в рамках санитарного направления его деятельности. В начале XX в. приоритетными для земства постепенно становились такие направления его деятельности как развитие крестьянского хозяйства и развитие новых видов связи.

Библиография

1. Вестник Владимирского губернского земства.
2. Владимирец.
3. Виргинский В.С., Хотеев В.Ф. Очерки науки и техники 1870–1917 гг. — М.: Просвещение, 1988. — 304 с.
4. Владимирский земский сборник.
5. Доклады Кинешемской уездной земской управы. Вып. I-II. — Кинешма, 1912. — 150 с.
6. Доклады Костромской губернской земской управы по санитарному отделению с приложением прений, докладов подготовительной комиссии и постановлений по врачебно-санитарным вопросам губернского земского собрания очередной сессии 28 ноября–14 декабря 1906 г. и чрезвычайной сессии 20–22 мая 1907 г. — Кострома, 1907. — 149 с.
7. Доклады Костромской губернской земской управы по санитарному отделу с приложением прений, докладов приговорительной и ревизионной комиссий и постановлений по врачебно-санитарным вопросам губернского земского собрания 9-24 января 1909 г. — Кострома, 1909. — 210 с.
8. Доклады Нерехтской уездной земской управы к очередному уездному земскому собранию сессии 1913 г. — Кострома, 1913. — 192 с.
9. Доклады по начальному народному образованию Костромской губернии к очередному губернскому земскому собранию сессии. — Кострома, 1900. — 118 с.
10. Ежегодник Костромского губернского земства 1911 г. — Кострома, 1911. — 199 + 192 с.
11. Журналы Вязниковского уездного земского собрания очередной сессии 1906 г. — Владимир, 1906. — 239 с.
12. Журналы Вязниковского уездного земского собрания очередной сессии 1913 г. — Вязники, 1913. — 46 с.
13. Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1907 г. Владимир, 1908. 226 с.
14. Журналы и доклады чрезвычайного и очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. — Шуя, 1915. — 288 с.
15. Журналы очередного Вязниковского уездного земского собрания 1907 г. Т. II. — Владимир, 1908. — 216 с.
16. Журналы очередного Гороховецкого уездного земского собрания 1900 г. — Владимир, 1901. 255 с.
17. Журналы очередного Ковровского уездного земского собрания 1895 г. — Владимир, 1896. — 95 с.
18. Журнал очередного Ковровского уездного земского собрания 1898 г. — Владимир, 1899. — 237 с.
19. Журналы очередного Ковровского уездного земского собрания 1903 г. Владимир, 1904. 292 с.
20. Журналы очередного Муромского уездного земского собрания 1890 г. — Владимир, 1891. — 206 с.
21. Журналы очередного Покровского уездного земского собрания 1890 г. — Владимир, 1890. — 178 с.
22. Журнал очередного Суздальского уездного земского собрания 1890 г. — Владимир, 1891. — 130 с.
23. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1885 г. — Б.м., б.г. — 207 с.
24. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1897 г. — Владимир, 1898. — 341 с.
25. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1905 г. — Владимир, 1905. — 308 с.
26. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1906 г. — Владимир, 1906. — 369 с.
27. Журналы экстренного и очередного Шуйских уездных земских собраний 1908 г. с приложениями. — Владимир, 1909. — 342 с.
28. Журналы экстренных и очередного Ковровских уездных земских собраний 1907 г. — Владимир, 1908. — 212 с.
29. Кинешемский календарь-ежегодник на 1916 г. — Кинешма, 1916. — 532 с.

30. Кондратьев Н.Д. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии (Социально-экономический и финансовый очерк). — Иваново, 2002. — 494 с.
31. Отчет Вязниковской уездной земской управы за 1913 г. с приложениями. — Вязники, 1914. — 159 с.
32. Отчет Ковровской уездной земской управы за 1909 г. — Владимир, 1909. — 58 с.
33. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1875 г. — Кострома, 1876. — 66 с.
34. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1909 г. — Кострома, 1909. — 312 с.
35. Отчет Нерехтской уездной земской управы за 1912 г. — Кострома, 1913. — 324 с.
36. Сборник постановлений Макарьевского уездного земского собрания очередной сессии 15 – 20 сентября 1905 г. — Макарьев, 1906. — 148 с.

References

1. Vestnik Vladimirskogo gubernskogo zemstva.
2. Vladimirets.
3. Virginskii V.S., Khoteev V.F. Ocherki nauki i tekhniki 1870-1917 gg. — M.: Prosveshchenie, 1988. — 304 s.
4. Vladimirskii zemskii sbornik.
5. Doklady Kineshemskoi uездной земской управы. Vyp. I-II. — Kineshma, 1912. — 150 s.
6. Doklady Kostromskoi gubernskoi земской управы po sanitarnomu otdeleniiu s prilozheniem preni, dokladov podgotovitel'noi komissii i postanovlenii po vrachebno-sanitarnym voprosam gubernskogo zemskogo sobraniia ocherednoi sessii 28 noiabria - 14 dekabria 1906 g. i chrezvychainoi sessii 20 – 22 maia 1907 g. — Kostroma, 1907. — 149 s.
7. Doklady Kostromskoi gubernskoi земской управы po sanitarnomu otdelu s prilozheniem preni, dokladov prigotovitel'noi i revizionnoi komissii i postanovlenii po vrachebno-sanitarnym voprosam gubernskogo zemskogo sobraniia 9-24 ianvaria 1909 g. — Kostroma, 1909. — 210 s.
8. Doklady Nerekhtskoi uездной земской управы k ocherednomu uездному земскому sobraniuu sessii 1913 g. — Kostroma, 1913. — 192 s.
9. Doklady po nachal'nomu narodnomu obrazovaniuu Kostromskoi gubernii k ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniuu sessii. — Kostroma, 1900. — 118 s.
10. Ezhegodnik Kostromskogo gubernskogo zemstva 1911 g. — Kostroma, 1911. — 199 192 s.
11. Zhurnaly Viaznikovskogo uездного земского sobraniia ocherednoi sessii 1906 g. — Vladimir, 1906. — 239 s.
12. Zhurnaly Viaznikovskogo uездного земского sobraniia ocherednoi sessii 1913 g. — Viazniki, 1913. — 46 s.
13. Zhurnaly i doklady chrezvychainogo i ocherednogo Shuiskogo uездного земского sobraniia 1907 g. Vladimir, 1908. 226 s.
14. Zhurnaly i doklady chrezvychainogo i ocherednogo Shuiskogo uездного земского sobraniia 1914 g. — Shuia, 1915. — 288 s.
15. Zhurnaly ocherednogo Viaznikovskogo uездного земского sobraniia 1907 g. T. II. — Vladimir, 1908. — 216 s.
16. Zhurnaly ocherednogo Gorokhovetskogo uездного земского sobraniia 1900 g. — Vladimir, 1901. 255 s.
17. Zhurnaly ocherednogo Kovrovskogo uездного земского sobraniia 1895 g. — Vladimir, 1896. — 95 s.
18. Zhurnal ocherednogo Kovrovskogo uездного земского sobraniia 1898 g. — Vladimir, 1899. — 237 s.
19. Zhurnaly ocherednogo Kovrovskogo uездного земского sobraniia 1903 g. Vladimir, 1904. 292 s.
20. Zhurnaly ocherednogo Muromskogo uездного земского sobraniia 1890 g. — Vladimir, 1891. — 206 s.
21. Zhurnaly ocherednogo Pokrovskogo uездного земского sobraniia 1890 g. — Vladimir, 1890. — 178 s.
22. Zhurnal ocherednogo Suzdal'skogo uездного земского sobraniia 1890 g. — Vladimir, 1891. — 130 s.
23. Zhurnaly ocherednogo Shuiskogo uездного земского sobraniia 1885 g. — B.m., b.g. — 207 s.
24. Zhurnaly ocherednogo Shuiskogo uездного земского sobraniia 1897 g. — Vladimir, 1898. — 341 s.
25. Zhurnaly ocherednogo Shuiskogo uездного земского sobraniia 1905 g. — Vladimir, 1905. — 308 s.
26. Zhurnaly ocherednogo Shuiskogo uездного земского sobraniia 1906 g. — Vladimir, 1906. — 369 s.
27. Zhurnaly ekstrennogo i ocherednogo Shuiskikh uездных zemskikh sobranii 1908 g. s prilozheniiami. — Vladimir, 1909. — 342 s.
28. Zhurnaly ekstrennykh i ocherednogo Kovrovskikh uездных zemskikh sobranii 1907 g. — Vladimir, 1908. — 212 s.
29. Kineshemskii kalendar'-ezhegodnik na 1916 g. — Kineshma, 1916. — 532 s.
30. Kondrat'ev N.D. Razvitie khoziaistva Kineshemskogo zemstva Kostromskoi gubernii (Sotsial'no-ekonomicheskii i finansovyi ocherk). — Ivanovo, 2002. — 494 s.

31. Otchet Viaznikovskoi uezdnoi zemskoi upravы za 1913 g. s prilozheniiami. — Viazniki, 1914. — 159 s.
32. Otchet Kovrovskoi uezdnoi zemskoi upravы za 1909 g. — Vladimir, 1909. — 58 s.
33. Otchet Nerekhtskoi uezdnoi zemskoi upravы za 1875 g. — Kostroma, 1876. — 66 s.
34. Otchet Nerekhtskoi uezdnoi zemskoi upravы za 1909 g. — Kostroma, 1909. — 312 s.
35. Otchet Nerekhtskoi uezdnoi zemskoi upravы za 1912 g. — Kostroma, 1913. — 324 s.
36. Sbornik postanovlenii Makar'evskogo uezdnogo zemskogo sobraniia ocherednoi sessii 15 – 20 sentiabria 1905 g. — Makar'ev, 1906. — 148 s.